ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 27 (2410) | Суббота, 3 апреля 1948 г. | Цена 40 коп.

Сталинская забота о литературе

Сталинская премия — наивысшее выражение всенародной признательности за творческий новаторский труд, способствующий нашему движению вперед, к коммунизму.

Присуждение высоких наград авторам лучших произведений, опубликованных за год, стало традиционным ежегодным праздником всей советской литературы. В нынешнем году этот праздник особенно радостен и значителен. Высокого признания удостоен гораздо более широкий круг литературных произведений, чем в прошлые годы. Тридцать восемь советских литераторов — прозаики, поэты, драматурги, искусствоведы, литературоведы и киносценаристы увенчаны званием лауреата Сталинской премии.

Этот знаменательный факт свидетельствует о непрерывном могучем росте советской литературы и о том животворном воздействии, которое оказывает на развитие всего нашего искусства постоянная забота и пристальное внимание партии. Исторические постановления Центрального Комитета ВКП(б) по вопросам литературы и искусства идейно вооружили советских художников, помогли им освободиться от всяческого балласта, тормозившего движение вперед, и выйти на широкую прямую дорогу служения народу.

Итоги минувшего литературного года радостны и значительны не только благодаря обилию книг, получивших широчайшее читательское признание и отмеченных Сталинской премией. Знаменательно то, что большинство этих книг посвящено важнейшим проблемам сегодняшней нашей жизни, волнующим каждого читателя. Эти проблемы вытекают из нашей общей борьбы, из общего неустанного труда, в котором созидается светлое здание коммунизма.

Главнейшую свою задачу советский писатель видит в том, чтобы со всей зоркостью художника находить в наших людях новые черты, рожденные социалистическими отношениями. Подмечая, оттеняя эти черты в образах своих героев, писатель помогает коммунистическому воспитанию народа. В этом именно и заключается высокое призвание художника, в этом — его доля, которую вкладывает он в общий вдохновенный созидательный труд советских людей. В этом сила социалистического реализма — могучего оружия, которым пользуется наша литература — передовая литература мира.

Вячеслав Михайлович Молотов говорил: «Нельзя считать случайностью, что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом. В нашей стране коммунизм воодушевляет к вдохновенному труду, к героической борьбе за Родину, к высокому идейному творчеству».

Книги, пьесы, стихи, искусствоведческие и литературоведческие работы, киносценарии, удостоенные Сталинской премии, получили широчайшее признание советского читателя прежде всего потому, что это произведения подлинно партийные, проникнутые идейностью самого высокого накала.

Необычайно широк тематический диапазон этих произведений, поражает богатство и многообразие проблем, затронутых в них.

Самоотверженный подвиг советского человека в боях за Родину; возвращение к мирному труду; творческое вдохновение, охватившее наших людей в напряженной борьбе за осуществление сталинской послевоенной пятилетки; гордое чувство советского патриотизма, высокое сознание своей передовой роли, — роли творца истории; образ большевика, идущего вперед, прокладывающего своему народу дорогу к счастью, — вот основные темы лучших книг, написанных в 1947 году и удостоенных Сталинской премии.

Воины и созидатели, пламенные патриоты Родины, борцы за коммунизм — таковы герои Павленко и Бубеннова, Эренбурга и Грибачева, Гончара и Недогонова и других писателей, чьи труды удостоены всенародного признания.

Таковы результаты подлинного, действенного вторжения нашей литературы в советскую жизнь. И этот плодотворный, единственно правильный для нашей литературы путь указала писателям партия.

Партия большевиков и ее Центральный Комитет призывали наших писателей к непримиримой принципиальности, высокой идейности, страстной большевистской партийности. Для того, чтобы выполнить свою почетную роль учителя миллионов советских людей, советская литература должна сама всегда учиться у своего народа, жить его побуждениями, его чувствами, мыслить одними помыслами со своим народом. Наша литература должна вести постоянную борьбу против безидейности, аполитичности, против всех проявлений низкопоклонства перед гнилой «культурой» буржуазного декаданса.

Мудрая, чуткая сталинская забота о росте родной советской литературы исключительно плодотворно сказалась на литературе 1947 года. В списке отмеченных Сталинской премией лучших произведений этого года примечательно обилие новых имен, количество молодых, сильных голосов, которые, прозвучав впервые, сразу же завоевали признание и любовь читателя.

Так выполнение одного из основных указаний партии — подлинное вторжение писателей в окружающую их жизнь, — немедля вызвало ответную волну: мощный приток в литературу людей, обогащенных большим жизненным опытом, стремящихся поделиться своими мыслями с самым широким кругом своих соратников по труду и борьбе.

Снова и снова радуют нас успехи многонациональной литературы Советского Союза, ярко отразившиеся в присуждении Сталинских премий. Произведения Сосюры, Турсун-Заде, Якобсона, Танка, Кербабаева, Керашева, Судрабкална завоевали широкое признание читателей, они стоят в ряду выдающихся достижений нашей прозы, поэзии, драматургии.

Литература наша стала подлинно народной. Она является носительницей самой передовой идеологии и вдохновляет животворными идеями Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина миллионы людей во всем мире. Она непрерывно пополняется свежими силами и крепнет качественно. Эти причины обусловили значительные победы, достигнутые советскими писателями в 1947 году и увенчанные Сталинскими премиями.

Радость по поводу этих побед естественна и закономерна.

Однако высокое признание общих наших успехов должно явиться для каждого советского писателя не поводом к самоуспокоению, но действенным призывом продолжать путь вперед, набирая новые темпы, не отставая от своего народа.

Так, и только так может советская литература достойно ответить на заботу партии, пестующей и направляющей наше искусство, чтобы сделать его достойным великой страны, великого народа, великой эпохи.

В Совете Министров СССР

О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и кинематографии за 1947 год

Совет Министров Союза ССР постановил присудить Сталинские премии за выдающиеся работы 1947 года в области:

А. Художественной прозы

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Бубеннову** Михаилу Семеновичу — за роман «Белая береза».
2. **Павленко** Петру Андреевичу — за роман «Счастье».
3. **Эренбургу** Илье Григорьевичу — за роман «Буря».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Гончару** Александру Терентьевичу — за роман «Знаменосцы».
2. **Казакевичу** Эммануилу Генриховичу — за повесть «Звезда».
3. **Кербабаеву** Берды Мурадовичу, заслуженному деятелю искусств Туркменской ССР — за роман «Решающий шаг».
4. **Костылеву** Валентину Ивановичу — за трилогию «Иван Грозный».
5. **Пановой** Вере Федоровне — за роман «Кружилиха».
6. **Панферову** Федору Ивановичу — за роман «Борьба за мир».

Премии ТРЕТЬЕЙ степени в размере 25.000 рублей

1. **Авдееву** Виктору Федоровичу — за повесть «Гурты на дорогах».
2. **Галину** (Рогалину) Борису Абрамовичу — за очерки «В Донбассе», «В одном населенном пункте».
3. **Керашеву** Тембору Магометовичу — за роман «Дорога к счастью».
4. **Кетлинской** Вере Казимировне — за роман «В осаде».
5. **Козлову** Ивану Андреевичу — за книгу «В крымском подполье».
6. **Линстанову** Иосифу Исааковичу — за повесть «Малышок».
7. **Михайлову** Николаю Николаевичу — за книгу «Над картой Родины».

Б. Поэзии

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Грибачеву** Николаю Матвеевичу — за поэму «Колхоз «Большевик».
2. **Недогонову** Алексею Ивановичу — за поэму «Флаг над сельсоветом».
3. **Сосюре** Владимиру Николаевичу — за сборник стихов «Чтоб сады шумели».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Судрабкалну** Яну (Пейне Арвиду Карловичу), народному поэту Латвийской ССР — за сборник стихов «В братской семье».
2. **Танку** Максиму (Скурко Евгению Ивановичу) — за сборник стихов «Кабы ведали».
3. **Турсун-Заде** Мирзо — за стихотворения «Индийская баллада», «Ганг», «Шли с туманного запада люди», «Тарачандри», «Висячий сад в Бомбее», «В человеческой памяти».

В. Драматургии

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Ромашову** Борису Сергеевичу — за пьесу «Великая сила».
2. **Якобсону** Августу Михкелевичу — за пьесу «Борьба без линии фронта».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Вирте** Николаю Евгеньевичу — за пьесу «Хлеб наш насущный».
2. **Софронову** Анатолию Владимировичу — за пьесу «В одном городе».

Г. Литературной критики и искусствоведения

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Асафьеву** Борису Владимировичу, академику, народному артисту СССР — за книгу «Глинка».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Мейлаху** Борису Соломоновичу, доктору филологических наук, профессору — за книгу «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX и начала XX века».
2. **Нечкиной** Милице Васильевне, доктору исторических наук, профессору — за книгу «Грибоедов и декабристы».

Д. Художественной кинематографии

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Пырьеву** Ивану Александровичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, режиссеру, **Помещикову** Евгению Михайловичу, **Рожкову** Николаю Васильевичу, авторам сценария, **Павлову** Валентину Ефимовичу, оператору, **Крюкову** Николаю Николаевичу, композитору, **Ладыниной** Марине Алексеевне, заслуженной артистке РСФСР, **Дружникову** Владимиру Васильевичу, артисту, **Андреезу** Борису Федоровичу, артисту, **Васильевой** Вере Кузьминичне, артистке — за цветную кинокартину «Сказание о земле сибирской».
2. **Донскому** Марку Семеновичу, заслуженному деятелю искусств Туркменской ССР, режиссеру, **Смирновой** Марии Николаевне, автору сценария, **Марецкой** Вере Петровне, народной артистке РСФСР, **Урусевскому** Сергею Павловичу, оператору — за кинокартину «Сельская учительница».
3. **Ромму** Михаилу Ильичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, режиссеру, **Волчек** Борису Израилевичу, оператору, **Аксенову** Всеволоду Николаевичу, заслуженному артисту РСФСР, **Кузьминой** Елене Александровне, заслуженной артистке РСФСР, **Тенину** Борису Михайловичу, заслуженному артисту РСФСР, **Астангову** (Ружникову) Михаилу Федоровичу, заслуженному артисту РСФСР, **Названову** Михаилу Михайловичу, артисту, **Манделю** Семену Соломоновичу, художнику — за кинокартину «Русский вопрос».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Раппопорту** Герберту Морицовичу, заслуженному деятелю искусств Эстонской ССР, режиссеру, **Лауру** Хуго Тыновичу, народному артисту Эстонской ССР, **Лаатс** Лие Карловне, артистке, **Раяла** Лембиту Якобовичу, артисту — за кинокартину «Жизнь в цитадели».
2. **Козинцеву** Григорию Михайловичу, режиссеру, **Герману** Юрию Павловичу, автору сценария, **Скоробогатову** Константину Васильевичу, народному артисту РСФСР, **Москвину** Андрею Николаевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, оператору, **Енею** Евгению Евгеньевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, художнику — за кинокартину «Пирогов».
3. **Ярматову** Камилю, заслуженному деятелю искусств Узбекской ССР, режиссеру, **Исматову** Асату, заслуженному артисту Узбекской ССР, **Хамраеву** Разаку, заслуженному артисту Узбекской ССР — за кинокартину «Алишер Навои».
4. **Барнету** Борису Васильевичу, заслуженному артисту РСФСР, режиссеру, **Кадочникову** Павлу Петровичу, артисту, **Уманскому** Морицу Борисовичу, художнику, **Блейману** Михаилу Юрьевичу, **Исаеву** Константину Федоровичу, **Маклярскому** Исидору Борисовичу, авторам сценария, — за кинокартину «Подвиг разведчика».

Е. Хроникально-документальной кинематографии

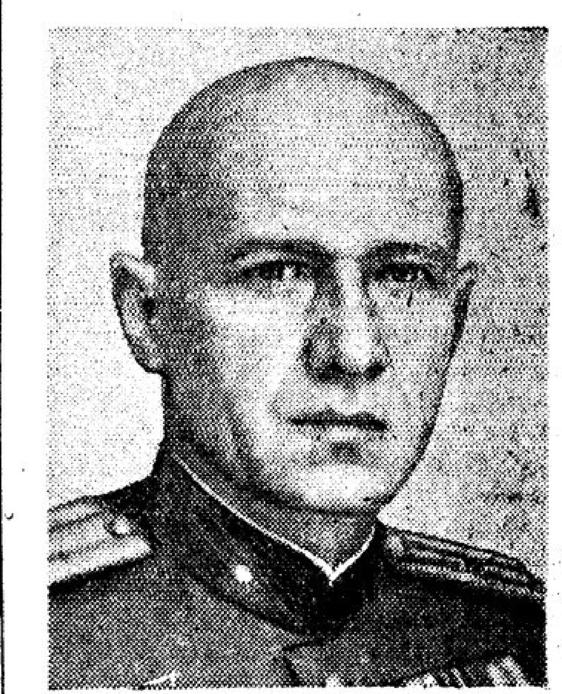
Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Копалину** Илье Петровичу, режиссеру, **Сеткиной-Нестеровой** Ирине Фроловне, режиссеру, **Агапову** Борису Николаевичу, заслуженному деятелю искусств Латвийской ССР, автору сценария, **Фроленко** Владимиру Анисимовичу, оператору, **Халушакову** Рувиму Борисовичу, оператору, **Иофису** Евсею Абрамовичу, руководителю цветной лаборатории киностудии «Мосфильм», — за цветную кинокартину «День победившей страны».
2. **Слуцкому** Михаилу Яковлевичу, режиссеру, **Тасину** Георгию Николаевичу, режиссеру, **Кричевскому** Абраму Григорьевичу, оператору, **Богдану** Константину Ивановичу, оператору, — за цветную кинокартину «Советская Украина».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Степановой** Лидии Ильиничне, режиссеру, **Киселеву** Федору Ивановичу, режиссеру, **Бачелису** Илье Израилевичу, автору сценария, **Доброницкому** Виктору Васильевичу, оператору, **Семенову** Сергею Андреевичу, оператору, — за кинокартину «Москва — столица СССР».
2. **Кристи** Леониду Михайловичу, заслуженному деятелю искусств Латвийской ССР, режиссеру, **Гурову** Сергею Николаевичу, заслуженному деятелю искусств Латвийской ССР, режиссеру, **Соколову** Борису Александровичу, оператору, **Семину** Алексею Георгиевичу, оператору, — за кинокартину «Советская Латвия».
3. **Бойкову** Владимиру Николаевичу, режиссеру, **Макасееву** Борису Константиновичу, оператору, **Ошуркову** Михаилу Федоровичу, оператору, **Щекутьеву** Александру Гавриловичу, оператору, **Вихиреву** Николаю Александровичу, оператору, — за цветную кинокартину «День воздушного флота СССР».
4. **Венжер** Ирине Владимировне, режиссеру, **Бубрику** Самуилу Давидовичу, режиссеру, **Белякову** Ивану Ивановичу, оператору, **Трояновскому** Марку Антоновичу, оператору, — за цветную кинокартину «Всесоюзный парад физкультурников 1947 года».

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Н. М. Грибачев

А. И. Недогонов

В. Н. Сосюра

Б. С. Ромашов

А. М. Якобсон

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

М. С. Бубеннов

П. А. Павленко

И. Г. Эренбург

Б. В. Асафьев

Памяти Алишера Навои

ТАШКЕНТ. (Наш. корр.). Совет Министров Узбекской ССР постановил считать 15 мая 1948 года днем празднования 500-летия со дня рождения великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои.

К юбилейным дням выходит в свет ряд произведений Навои на узбекском и русском языках. Среди них — «Фархад и Ширин», «Хамса», «Маджалисун — Нафаис» и др. Издаются также сборник стихов поэтов — современников Навои, два сборника научно-исследовательских статей об эпохе, жизни и творчестве поэта, роман лауреата Сталинской премии Айбека «Навои», биография классика узбекской литературы и исследования о нем. Майские номера журналов «Шарк Юлдузи» и «Звезда Востока» посвящены этой же юбилейной дате.

Из Ташкента в различные области республики выезжают видные узбекские писатели, которые выступят в дворцах культуры, в клубах, на предприятиях и в учебных заведениях с докладами о великом поэте.

Дирекция педагогического училища в городе Карши об'явила среди студентов конкурс на лучший реферат о Навои.

В день юбилея Навои состоится научная сессия Академии наук Узбекской ССР, посвященная его жизни и творчеству. В здании Узбекского театра оперы и балета откроется юбилейная выставка. В сквере, возле Ташкентского облисполкома, будет сооружен памятник поэту.

В Ташкент на юбилейные торжества будут приглашены писатели и ученые Москвы, Ленинграда и братских республик.

* * *

АШХАБАД. (Наш корр.). Сборник произведений Алишера Навои на туркменском языке выпускает к юбилею писателя Туркменское государственное издательство. Сборник открывается вступительной статьей о творчестве А. Навои. В работах над переводами произведений великого узбекского поэта приняли участие: Р. Алиев, К. Ишанов, Б. Кербабаев, К. Курбансахатов, Я. Насырли, П. Нурберды, Р. Сеидов и Б. Сейтаков.

ЦЕЛЛЮЛОЗНАЯ И БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИЛА ПЛАН ПЕРВОГО КВАРТАЛА

Предприятия Министерства целлюлозной и бумажной промышленности СССР досрочно завершили план первого квартала 1948 года.

План по бумаге выполнен на 110 процентов, по целлюлозе — на 102 процента, картону — на 107 процентов, по ученическим тетрадям — на 111,5 процента.

По сравнению с соответствующим периодом прошлого года выпуск бумаги возрос на 13 процентов, целлюлозы — на 29 процентов, картона — на 24 процента.

ЛИТЕРАТУРА К ОБЩЕСЛАВЯНСКОМУ КОНГРЕССУ СЛАВЯНОВЕДОВ

К предстоящему I Общеславянскому конгрессу ученых-славяноведов, который состоится в этом году в Москве, Институт славяноведения Академии наук СССР подготовил серию научных трудов. Среди них — монографии профессора С. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России (1853—1876 гг.)» и профессора С. Бернштейна «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии». Выходит первый том «Ученых записок Института славяноведения», об'емом 35 печатных листов. Сборник открывается вступительной статьей академика Б. Грекова о современных задачах славяноведения и содержит ряд исследовательских материалов по истории славянских народов и диалектологии. В сборник включены работы профессора Люблянского университета Ф. Цвиттера «Национальный вопрос в истории Словении», профессора Софийского университета В. Велчева — о социальном строе Болгарии в X веке и другие.

Выходит из печати большой документальный сборник о научных связях русских славистов с учеными других славянских стран.

А. МАКАРОВ

СЧАСТЬЕ КОММУНИСТА

В 1898 году в солнечную Ялту приехал тяжело больной туберкулезом русский писатель, чтобы поселиться в ней навсегда. Почти год прошел, прежде чем удалось изыскать средства на постройку скромного дома. Дом пришлось выстроить высоко на горе, возле татарского кладбища: участки в фешенебельных, близких к морю кварталах были дороги. Приехавшего нестерпимо раздражала буржуазная пошлость тогдашней Ялты, роскошь беспечной жизни богачей оскорбляла его. О том, как он чувствовал себя чужим в этом благодатном краю, как был несчастлив и одинок, как медленно угасал в своей «теплой Сибири», написано во многих книгах, ибо человек этот был гордостью и славой России — Антоном Павловичем Чеховым.

Спустя почти полвека, весною 1944 года, в один из крымских городов, сожженных немцами, приехал отставной полковник Советской Армии Алексей Вениаминович Воропаев. Полковник болен и одинок. Настоящая жизнь, как он полагает, кончена, он «вывалился из счастья, как из самолета». С первых дней юности его родным домом была армия; по состоянию здоровья он вынужден был расстаться с ней; от любимой и горячо любящей его женщины он бежит по собственной воле, не чувствуя за собою права связывать ее будущее талантливого врача со своей судьбой инвалида. Полковник Воропаев смиряет свое гордое сердце, его мечты ограничиваются получением на берегу моря маленького клочка земли и домика — невеселой жизнью чужого всем, одинокого холостяка.

О том, как оказалась мнимой эта «мечта» полковника, как обманулся он в природе своего собственного, **советского** характера, чуждого всякому покою, как властно поставила его советская действительность в центре жизни, полной творческого кипения, — обо всем этом рассказал писатель П. Павленко.

Далекая Ялта чеховских времен, грустная история великого писателя, одиноко умирающего среди равнодушной толпы, невольно всплывает в памяти по контрасту, когда узнаешь историю нравственного и физического воскресения рядового советского гражданина, полковника Воропаева. Полвека назад оказался ужасающе одинок среди благодатной ялтинской природы один из лучших людей России. В этом не было вины самого Чехова, виною были уродливые формы жизни.

Воропаева ждала иная судьба.

В мире произошли большие перемены— неизменными остались море и горы и высокое нежное небо, но переменился лик жизни и изменились люди на нашей земле.

Чехов вспоминается и потому, что с особой силой и требовательностью выразил в своем творчестве тоску о нормальном человеческом счастье, веру в будущую умную, смелую жизнь, полную труда и творческих дерзаний, которая только и принесет счастье людям. Роман же П. Павленко так и называется: «Счастье».

Его герой — коммунист Воропаев плохо знал сам себя, полагая, что сможет тихо и мирно дожить дни в своей хате с краю. Стоило только Воропаеву заняться поисками площадки для будущего дома, как он делает неожиданное для себя открытие, что он ищет «не жилья, а людей, к которым можно было бы прилепить свою судьбу».

Вокруг — лихорадка созидательных будней: приехавшие из разоренных немцами станиц колхозники обживают район, осваивают незнакомое им хозяйство — вчерашние хлеборобы становятся виноградарями. Это не так просто — люди тоскуют по родным местам, иногда опускаются руки, но над всем этим берет верх готовность к подвигу, любовь к новому, — даже когда оно трудно, — живительное беспокойство их советского характера.

Коммунистическое начало, лежащее в основе характера Воропаева, оказывается сильнее случайных, вызванных болезненным состоянием настроений. Он не может не сознавать ответственности за судьбы окружающих, с новой силой в нем пробуждается энергия передового бойца — коммуниста, руководителя и организатора людей. Он становится штатным пропагандистом райкома партии и, внося в дело большевистскую страстность, вдохновляет людей на трудовые подвиги.

Воропаев — человек большого и чистого сердца. Напрасно пытается он забыть о любимой им Горевой и даже предположить возможность тихого безлюбовного «счастья» с другой женщиной. Чувство требовательности к себе не позволяет ему удовлетвориться подделкой вместо большой, настоящей любви.

Сложный, показанный со всеми своими жизненными противоречиями образ большевика Воропаева в романе по-человечески красив. П. Павленко удалось показать этот характер, как закономерное, естественное явление нашего советского общественного строя. Душевные качества Воропаева не есть нечто присущее только ему. В большей или меньшей степени они свойственны и другим героям романа. Горение идеей, жажда подвига, любовь к новому, кровная связь с коллективом, чувство собственной ответственности за судьбы страны и народа присущи и председателю колхоза Цимбалу, и молодой паре Поднебеско, и ученому виноделу Широкогорову, и многим другим представителям советских людей, вышедшим «на передний край человечества». Воропаев становится желанным руководителем, близким, родным для всех этих людей именно потому, что в нем эти качества выражены острее и полнее.

Люди охотно и добровольно признают его своим учителем, но и сам он многому с пользой учится у них.

Не может быть у советского человека личного счастья в старом понимании этого состояния души — есть только одно светлое счастье, являющееся долей общего народного счастья, справедливо утверждает П. Павленко в своем романе.

С большой художественной силой показана писателем красота новых взаимоотношений между советскими людьми, чувство единой семьи, пронизывающее наше общество снизу доверху.

Крепка и неразделима наша семья, поколение наше. «Война всех перероднила, никого чужих, все родственники!» — говорит старый колхозник Цимбал. Перероднила, конечно, не война, а четверть века сознательного, героического труда советских людей под руководством родной партии. Идея коммунизма овладела массами и стала несокрушимой силой, определяющей могущество страны социализма. Война проверила крепость, единство народа, связанного общим устремлением к коммунизму.

В послевоенный период советские люди вступили, обогащенные сознанием собственной мощи, сознанием того, что «отныне и вечно будем мы стоять перед глазами человечества как самые сильные и справедливые люди на земле!..» Именно это сознание и вызвало к жизни отличающую послевоенный период атмосферу духовного здоровья и бодрости, трудового энтузиазма и невиданных темпов, которую так превосходно передал П. Павленко в своем романе.

Значение книги П. Павленко в том, что в ней с большой художественной силой раскрыто самое существенное в нашей эпохе — ведущая роль партии в создании и укреплении неизмеримого превосходства советской жизни, нового поколения людей над буржуазным миром с его дикими, уродующими человека законами жизни.

Партия большевиков выступает в романе как душа и разум народа, вдохновляющая сила всех его достижений и побед. И образ великого Сталина возникает в книге естественно и необходимо, ибо вся жизнь советских людей озарена светом сталинского гения.

Глава, в которой Воропаев встречается со Сталиным, — одна из лучших в романе.

По-сталински точны, лаконичны и глубоки замечания, которые делает Сталин в романе по поводу рассказа Воропаева о состоянии района и о людях, с которыми он работает. На реплику Воропаева, что район нуждается в умных людях, «Сталин негромко засмеялся... — Делать надо умных людей, товарищ полковник, — быстро и как бы приказывая, сказал Сталин, — делать самим на местах, не ожидая, пока они свалятся вам на голову из Москвы. Как же так? Нигде не сказано, что хорошие работники родятся только в Москве».

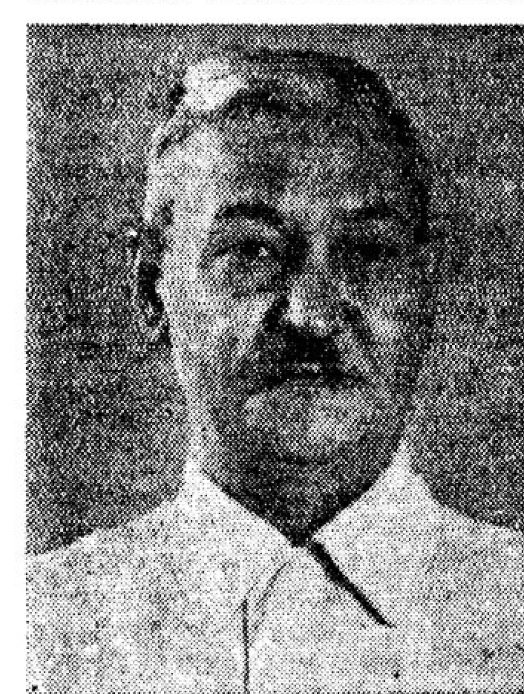
Внимательно расспрашивает Сталин Воропаева о людях района, и в репликах его сквозит отеческая забота о судьбах каждого. Быстро набрасывает он перед взором Воропаева перспективу будущего.

Герои книги видят свою сегодняшнюю деятельность «...главою из увлекательного романа. Она была подсказана Сталиным, и всем хотелось дописать ее как можно быстрее».

Со страниц книги как бы незримо струится вдохновляющая энергия повседневного героического бытия советских людей. И не случайно эту книгу полюбил народ. Для многих она явилась как бы путеводителем в устройстве их собственной жизни. Пример Воропаева вызвал желание подражать. Так, в Крыму многие из демобилизованных офицеров, прочтя книгу, устремились, подобно Воропаеву, в гущу жизни и называют себя «воропаевцами».

Да, «Счастье» П. Павленко — очень живая книга! Читая ее, словно беседуешь с хорошим советским человеком, большим умницей. И хочется много и красиво думать о большой судьбе наших современников, о сегодняшнем счастье и о прекрасном будущем народа.

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Б. М. Кербабаев

В. И. Костылев

В. Ф. Панова

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

А. Т. Гончар

Э. Г. Казакевич

С. ОБРАЗЦОВ

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

Все в романе И. Эренбурга, начиная с его названия — «Буря», находится в движении во времени. И время это идет рывками, — то мчится, то тянется, то, сделав круг, устремляется вперед.

Громадное количество событий. Страны. Города. Люди. И все это разномасштабно и разнозначимо. Потому что такова жизнь.

Действие происходит в Советском Союзе, во Франции, Германии, Англии.

Лица людей то приближаются к нам так близко, что можно заглянуть в зрачки, то отдаляются и смешиваются с лицами многих.

Люди нового мира, воспитанные советским строем, — Сергей Влахов, доктор Крылов, его дочь Наташа, Осип Альпер,— честные, мужественные, окрыленные великими идеями коммунизма. И люди агонизирующего капитализма — от фашиста Августа Ширке до петэновца Берти и американского майора Смидла, которого трудно отличить от немецких фашистов. Люди большие, прекрасные, люди-герои и ничтожные обыватели, негодяи, мерзавцы.

Эти люди живут, они в пространстве, во времени, в действии. И поэтому они разные не только между собой. Каждый разный в разное время, потому что время меняет каждого.

То огромное движение, которое характеризует весь роман от первой до последней его страницы, позволило Эренбургу пропустить каждое событие и каждого человека сквозь фильтр большой темы.

И от главы к главе все отчетливее становится закономерность любого, даже самого маленького события или человеческой судьбы.

Вячеслав Михайлович Молотов сказал: «Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму».

Ведущая роль коммунистов в борьбе с фашизмом за демократию и счастье народов и есть та большая тема, на которой построена эренбурговская «Буря».

Огромная роль советской страны в минувшей войне, в сегодняшнем движении мировой истории, сила нашего строя и его превосходство над всеми другими, — вот что является внутренним содержанием романа.

Сила советских людей в том, что у них, как говорит один из героев романа Эренбурга, «не просто государство, у них государство плюс идея... У них не просто сильный характер, у них сильный характер плюс идея». Эта идея — коммунизм.

Роман «Буря» раскрывает это полно и очевидно в событиях, в судьбах, в любви, в смерти, в борьбе, в победе.

И носители этой идеи в других странах—коммунисты Франции, Болгарии, Чехословакии неизбежно оказываются в первых рядах истории. Они организаторы и руководители подпольного движения и партизанской борьбы. Вокруг них сплачивается все честное и передовое.

Это раскрыто в романе так же полно и очевидно.

Вот почему «Буря» — это настоящий исторический документ.

Героев своей книги Эренбург знает. Он их не выдумывает, а только описывает такими, какими увидел.

И события автор знает. Каждое событие — и маленькое, и большое. И города, и страны. Знает широкое небо над Красной площадью, горбатые улицы старого Киева, рыболовов на берегу Сены, запах крови, простоту человеческой смерти.

Роман Эренбурга кажется не написанным, а записанным как дневник, как корреспонденция с мест.

И это не недостаток романа, а его сила.

Множественность, кажущаяся калейдоскопичность тоже не недостаток романа, потому что «Буря» вовсе не простой монтаж документов, фактов и фотографий.

Так записать войну на протяжении шести лет и на пространстве от Волги до Ламанша мог только человек, находившийся внутри событий.

Эренбург был в Испании, когда ее народ боролся с Франко. Он находился в Париже, когда туда вошли немцы. Эренбург был подлинным бойцом Советской Армии в течение всей Великой Отечественной войны, а по окончании войны он ездил в Америку и потом вновь во Францию.

И никогда и нигде он не оставался созерцателем, ничто не рассматривал издали. Он вмешивался в события. Он участвовал в них со всей присущей ему страстью и темпераментом.

После романа «Падение Парижа», после всех корреспонденций с фронта, после активной борьбы с фашизмом, которую вел Эренбург каждой строчкой газетной статьи, каждой фразой публичных выступлений, он не мог не написать романа «Буря», ибо в нем — итог целого периода жизни.

И, может быть, самое ценное в романе то, что, хотя все события завершены, конец романа не теряет ощущения историчности, то-есть перспективы времени.

Вот последние слова двух людей, прошедших сквозь всю «Бурю»:

«— Говорят, большой огонь ветер раздувает...

— Любовь?

— Все. И любовь. И жизнь. И народ... Я, когда летел, думал — что стало с народом, какой он теперь большой! И горе его, и гордость, и путь...»

Ю. ОЛЕША

ЯРОСТНАЯ ПЬЕСА

Лаврами Сталинской премии увенчан эстонский драматург Август Якобсон, написавший пьесу «Борьба без линии фронта».

Действие пьесы развертывается в одном из провинциальных городов Эстонии в те годы, когда эта республика еще была буржуазной. На нескольких предприятиях из-за снижения заработной платы происходит забастовка. Рабочие стойко борются против натиска капиталистов, но, в результате целого ряда провокаций, их сопротивление оказывается все же подавленным.

Сюжет, в котором отражена борьба труда с капиталом, всегда величественен. В данном случае этот сюжет обработан драматургом, владеющим сильной реалистической кистью. Получилось произведение, способное глубоко волновать сердца зрителей и читателей.

В числе действующих лиц—пять братьев, разошедшихся по разным путям.

Двое из них — рабочие, один стал врачом, младший — просто пройдоха, а есть в этой семье и капиталист... Этот капиталист и приобретает лесопильню, где работают два его брата — рабочие. Тотчас же он предлагает обоим занять административные посты, но братья отказываются, понимая, что они станут ренегатами по отношению к остальным рабочим. Тогда капиталист назначает управляющим лесопильней младшего брата, авантюриста.

Когда вспыхивает забастовка, капиталист надеется, что его братья — рабочие окажутся на его стороне. Ведь «своя кровь и своя плоть»! Но как раз они-то борются против брата—хозяина с наибольшей яростью.

Поставив в разные лагери именно братьев, автор усугубляет конфликт драмы.

В пьесе целая галлерея образов. Все они хорошо вылеплены. Несколько разновидностей капиталистов, продажный редактор, инженер — наемник капитала, врач, называющий себя социалистом и призывающий к миролюбию, буржуазный сынок, ворующий у отца деньги, полицейские-взяточники, девица, получающая призы за восемнадцатичасовые танцы, молодой человек, из которого капиталист хочет сделать в будущем некоего «фюрера»... Словом, пьеса показывает капиталистический мир в лице его разных представителей, одинаково циничных и жадных к наживе.

Хотя действие пьесы и происходит, как сказано у автора, «в начальные годы буржуазной эстонской республики», — тем не менее она является вполне современной, изображая лютую ненависть капитала к трудящимся массам.

Замечательно и то, что автор изображает капиталистов с теми оттенками, которые свойственны капиталистам новой формации. Эти капиталисты, чуя свою гибель, стремятся найти себе оправдание, произносят слова о классовом мире, о самих себе, как о слугах общества и государства. Тем страшнее звучат эти слова в устах героев пьесы Якобсона, что тут же эти герои дают распоряжения об убийстве рабочих из-за угла...

Какой бы философией ни оправдывал капитализм свое существование, его гибель неизбежна. Об этом говорит пьеса. Нет братьев, нет «своей крови и своей плоти», есть два лагеря, два класса. Когда капиталист призывает своих братьев вспомнить, что некогда они составляли одну «крепкую эстонскую семью», братья отвечают, что они—не братья ему, а люди, работающие на его предприятии. Это одна из лучших сцен в бурной, насыщенной политической страстью пьесе, которая заканчивается словами рабочего:

«Нет, мы не разгромлены... Мы проиграли это сражение... как проигрывали иногда и раньше... это верно. Но это ничего не значит — придет время, и наш удар поразит вас тем сильнее... придет время, и мы всей пятерней, кулаком, кувалдой стукнем по вашим воротам!».

Е. КНИПОВИЧ

РОМАН О ПОБЕДЕ

Среди книг об Отечественной войне, вышедших в свет уже в послевоенное время, «Белая береза» М. Бубеннова занимает, бесспорно, одно из первых мест.

Это повесть о том, как, отступая, терпя временные поражения, Советская Армия закалилась, научилась воевать и побеждать.

Война показана в книге М. Бубеннова как величайшая проверка советских людей. Она отметает все чужое и слабое, закаляет все живое, сильное, советское.

Полк, которым командует майор Волошин, отступает в окрестностях Ржева, по осенним лесам. Вся природа Подмосковья, родная русская природа точно овеяна тревогой, горем, чувством нависшей над родиной опасности. И эта горькая красота края, с резкой силой встающая перед глазами бойцов в суровую ветровую военную осень, как бы питает тот гнев, ту веру в жизнь и победу, которыми живут все герои книги.

Полк получает задание задержать продвижение противника, пока части наши переправятся через реку Вазузу. Начальник штаба полка и заместитель командира капитан Озеров тщательно разрабатывают план операции. Но их расчеты сорваны неумелыми действиями командира полка. Командир — майор Волошин — не трус и уж тем паче не враг своего народа. Он — кадровый военный, поднявшийся из гущи трудящихся масс, боец гражданской войны, дважды награжденный за храбрость.

Но советский народ рос и мужал день ото дня, а майор Волошин оставался все тем же, каким он был двадцать пять лет тому назад. Это окостенение, оторванность от самых глубоких процессов, происходящих в жизни страны и народа, лишают Волошина в трудные дни 1941 года «питательной среды», а тем самым и твердой веры в успех, в победу. Поэтому разгром полка, в котором Волошин, правда, отчасти повинен, становится для него концом жизни, катастрофой.

Совсем иное значение имеет неудачный бой под Вазузой для других людей полка— для капитана Озерова и комиссара Яхно, для бойцов Лопухова и Юргина, Дегтерева и Умрихина, для всех уцелевших солдат и офицеров. Для них в этом временном поражении заключен величайший урок. Растут, закаляются, приобретают новые и драгоценные качества все оставшиеся в живых участники боя.

Бойцы узнают, что воля и мужество советского человека помогают ему восторжествовать над железной, бездушной техникой врага. Командиры понимают, что полк не уничтожен и не побежден, пока в нем живет сила организации, ненависть к врагу и вера в победу.

По ночному лесу, в окружении врага продолжает итти регулярная и боеспособная воинская часть. И ведут ее передовые, лучшие сыновья советского народа, командиры-коммунисты, те, кто шли в войне, «незаметно и прочно завоевывая то великое право, какое имеет только человек, идущий впереди».

Повествование в книге и кончается тем жестоким ударом, который полк — теперь уже под командой Озерова — наносит врагу под Москвой.

Полк получил пополнение, обмундирование, оружие, но началом его новой, победной жизни все же остается та страшная осенняя ночь, когда в самом поражении он остался непобежденным, когда он приобрел новое боевое качество в тягчайших испытаниях.

Эти общие, массовые изменения, происходившие в первые месяцы войны, М. Бубеннов сумел показать в каждом созданном им человеческом образе. Но не авторским комментарием, нет. Действия героев, развитие их характеров раскрывают перед читателем эти перемены.

Все это относится прежде всего к основному герою произведения — бойцу Андрею Лопухову.

Путь отступления ведет Андрея через родную деревню Ольховку. Так входит в роман семья Лопухова — его красавица жена Марийка, его отец Ерофей Кузьмич, его мать Алевтина Васильевна, его младший брат Васятка. И так соединяются две сюжетные линии романа—военная и гражданская.

История краткой побывки Андрея в семье дает нам возможность заглянуть в его прошлое, как бы увидеть «довоенного» Андрея.

Андрей Лопухов, тихий, задумчивый парень, ничем особенным не выделялся в родном колхозе. И только горячее сердце Марийки, вокруг которой вились все парни окрестных деревень, угадало, какая спокойная, всепобеждающая сила, какая воля и затаенная страсть живут в этом молчаливом юноше. Андрей, как кремень, в котором дремлют снопы жарких искр. Суровые удары войны обнаруживают все его скрытые силы и возможности.

Долог и труден предстоящий Андрею путь. Но «вечным», «бессмертным» назвала мужа Марийка в час разлуки. И читатель верит вместе с ней—Андрей вернется победителем. В образах Андрея и Марийки гармонически сливаются начала национальные и социалистические. Это русские, **советские** люди, в которых нашли свое развитие и приобрели новое, социалистическое качество все лучшие и драгоценные черты национального характера. Это же можно сказать и о многих героях книги.

Советские художники имеют счастье и право показать, как социалистическое общество и государство дало возможность раскрыться всем силам, всем задаткам, всему богатству, заложенному в народной массе, как очистились, закалились, приобрели новую мощь и новое, социалистическое качество все лучшие черты трудового народа.

Герои М. Бубеннова защищают социалистическую родину. Когда враг уже занял все окрестности деревни, Макариха, пожилая колхозница деревни Ольховка, бесстрашно берет на себя тяжелое задание— сжечь оставшийся в скирдах хлеб, чтобы он не достался оккупантам. И все женщины села, все старики (молодые мужчины либо в армии, либо ушли в партизаны) с опасностью для жизни укрывают от захватчиков колхозное зерно. Все они защищают сообща завоеванное, новые, социалистические формы труда и жизни, защищают право своих детей расти свободными, учиться, работать на общее благо. Они защищают социализм, вошедший в быт, сердце, плоть и кровь советского народа.

М. Бубеннов не стирает разницы между авангардом и массой, между теми, кто руководит, воспитывает, идет впереди, и теми, кто следует за руководителями. Но художник показывает, что качествами, откристаллизовавшимися в авангарде, масса насыщена, как океан солью, что подвиги лучших, достойнейших вырастают на почве массового героизма всего народа. Командир партизанского отряда Бояркин не мог бы развернуть широкого движения в тылу врага, если бы он, коммунист, носитель основ и принципов советской власти, в новых, тягчайших условиях оккупации не чувствовал за собой всенародной поддержки.

Роман в живых человеческих образах и судьбах раскрывает народность советской власти и высокую идейность советского народа—«великих маленьких людей», рядовых тружеников, воспитанных двадцатипятилетним существованием советского государства.

И недаром беспартийный старик-инвалид, колхозный счетовод Осип Михайлович, представ перед судом фашистских захватчиков, называет себя большевиком.

Не все герои М. Бубеннова идут сквозь военные испытания тем прямым и широким путем, как Озеров и Яхно, Андрей Лопухов и Юргин, Степан Бояркин и Осип Михайлович, Макариха и Марийка.

В сознании некоторых людей еще живут в той или иной мере пережитки прошлого, им свойственны рожденные этими пережитками слабости и колебания. Таков в романе М. Бубеннова отец Андрея— Ерофей Кузьмич. Из прошлого Ерофей Кузьмич принес не столько ненависть к богатеям-собственникам, сколько зависть к ним. Собственническая мечта о счастье никогда окончательно не умирала в его сознании.

И все же при всей своей отсталости, при всей двойственности его отношения к новому, социалистическому миру, Ерофей Кузьмич в дни оккупации не может окончательно оторваться от народа. Медленно, окольной дорогой он все же начинает приближаться к той единственной, всепобеждающей правде, которая определяет все действия людей Ольховки в дни войны.

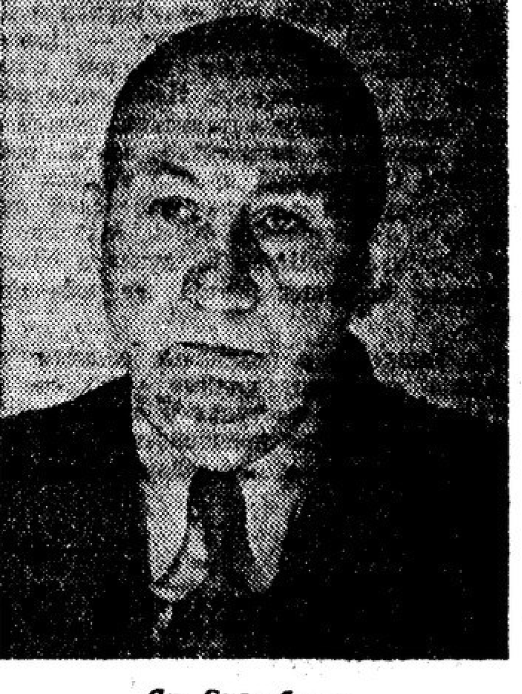
Не такова судьба командира батальона Лозневого. В этом образе М. Бубеннов показал, до какой низости и мерзости может докатиться отщепенец, которым движет животный страх за свою жизнь.

Роман М. Бубеннова еще не закончен. Следующие книги его раскроют перед нами дальнейшие судьбы его героев. Но и сейчас читатели уже сроднились с Андреем и Марийкой, с Озеровым и Юргиным—с этими правдивыми и поэтическими образами наших современников и сограждан.

Максим Танк

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Ян Судрабкалн

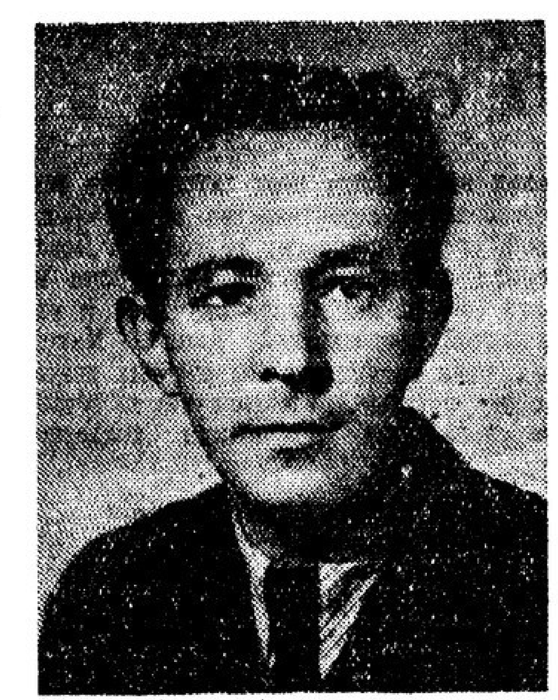
Ф. И. Панферов

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

М. Турсун-Заде

Н. Е. Вирта

А. В. Софронов

Б. С. Мейлах

М. В. Нечкина

Б. А. Галин

А. СОФРОНОВ

ПРИМЕТЫ НОВОГО

Бывает у некоторых произведений счастливая особенность—захватывать читателя с первой строки и не отпускать до последней. Страницы такой книги, будь это проза или поэзия, насыщены таким жизнеутверждающим началом, а главное, так правдивы, что западают надолго в память. И сколько бы ты ни читал это произведение и на какое бы время с ним ни расставался, — при встрече оно снова тебя обогащает новыми, ранее не замеченными качествами.

К таким произведениям относится поэма Алексея Недогонова «Флаг над сельсоветом», удостоенная Сталинской премии первой степени.

Главное и драгоценное ее качество в том, что поэма ярко и точно выражает приметы нашего времени.

А. Недогонов увидел в современной деревне черты нового и, увидав, изобразил их, как ведущие, решающие.

А между тем встречаются еще в современной поэзии не только строки, но и целые произведения, где все дышит старой Русью и нет почти никаких примет времени.

Поэму Алексея Недогонова нельзя расчленить на части. Она вся едина. Автор незримо присутствует в ней. Он рядом со своими героями. И кажется, что это сам Алексей Недогонов идет по широкой русской степи.

Идет Егор.
Поет, поет.
А рожь, а рожь-красавица
ему проходу не дает,
его плеча касается.
Цветет земля.
Шумят хлеба,
Шумят луга покосные...
— Так вот страны моей судьба—
поля мои колхозные!

В замечательном фильме «Сказание о земле сибирской» есть превосходные кадры: плывет по широкой реке баржа, а на барже — сибиряки рядом с тракторами. Естественны и ненавязчивы здесь приметы новой жизни. Этим же отличается поэма «Флаг над сельсоветом».

Любовно и опять-таки с точными приметами времени рисует Недогонов новый советский пейзаж:

А от колхозного порога
все уже,
все синей, синей —
дорога, зимняя дорога,
Шумок касимовских саней.
Да выкрашенные в морозы —
воскрылья зорек за окном:
флажки маршрутного обоза,
в район плывущие с зерном.
Да в волны большака влюбленный,
зудящий в стеклах избяных,
корабль полуторки районной
с шофером
Сенькой Кузьминых.
Да перед керзовой кабиной, —
раздвинувший зари заслон,
чуть накрененный,
ястребиный,
перегоревший
небосклон!

Алексей Недогонов отлично передал облик современной советской деревни, и это помогло ему стать в поэме не только вровень с жизнью, но и несколько впереди нее. Большая заслуга поэта в том, что он изобразил эту жизнь не декларативно, а в делах, думах, мечтах и поступках своих героев, показал столкновение нового со старым, и это всепобеждающее новое нарисовал с неподдельной любовью и искренностью. В поэме соединяется высокое, благородное содержание с чудесной русской национальной формой, берущей свое начало из родников народной жизни.

Егор Широков, главный герой поэмы, тот, что, возвращаясь домой, проехал пол-Европы,—это новый советский крестьянин, хозяин своей земли; он не просто путешествует, он учится мудро жить в мирные дни, по-хозяйски размышляя, что надо делать в родных местах.

Он не провел мысленной черты между своим трудом на войне и трудом в деревне:

из одного металла льют
медаль за бой,
медаль за труд.

Егор Широков—старшина на войне, агроном в мирной жизни. Его образ так собран и целен, так убедительна его правда, что односельчанин Егора—Андрей Дубков, решивший было, что, заработав три медали, можно уже и жить на проценты с былой военной славы, приходит к Широкову с повинной.

Светлый облик советского человека, его любовь, его радости и горе, его мечты и труды переданы поэтом смело и неповторимо.

Первая часть поэмы заканчивается следующими строчками:

...Начинался день слепящий:
все заря,
заря,
заря!
И казалось людям:
это —
не восход зари вставал, —
а сквозной,
земной,
родной
флаг над крышей сельсовета
свет зари распространял.

Яркий свет советского флага выходит далеко за пределы округи, в которой живут и работают герои поэмы Алексея Недогонова. Это свет зари нового, коммунистического общества, к которому устремлен взгляд талантливого поэта в каждой строке его замечательной поэмы.

* * *

Присуждение Сталинских премий за 1947-й год—огромное и радостное событие для советских писателей. И тем обидней, тем горше, что безвременная смерть оборвала жизнь большого жизнелюбца, шахтерского парня, талантливого поэта Алексея Недогонова. Всего лишь месяц не дожил он до счастливого дня, когда его труд был так высоко оценен.

Но жизнь поэта продолжается в жизни его героев. Поэма «Флаг над сельсоветом» станет одним из любимейших произведений советских читателей.

Л. ПАСЫНКОВ

Глазами советского человека

Турсун-Заде родился в таджикском кишлаке Каратаг. Он жил в детском доме, жил в школьном интернате, запоминал таджикские и русские стихи; закончил педагогический техникум, институт, вступил в комсомол. Стал он писать шестнадцать лет назад, выступив в прозе. Его первая книжка посвящена тому, как кишлаки превращаются в города; ее напечатали в полиграфическом комбинате столицы Таджикистана — Сталинабаде, бывшем еще недавно глухим кишлаком Дюшамбе.

За первой книгой последовали стихи, пьесы. Когда строили Большой Памирский тракт, поэт — из кишлака в кишлак — прошел более пятисот километров, встречался со старателями, пастухами, охотниками на зверей, птицеловами, народными певцами. Думы колхозников Турсун-Заде передал в стихах. Так создано было письмо товарищу Сталину, и под этими строками, родными народу, подписалось более 20.000 горцев, строителей дороги.

На строительстве Большого Ферганского канала выступили два народных певца — старик и подросток; их спросили, чью песню они поют. «Народную!»—ответили певцы. Им об'яснили, что они поют стихи Турсун-Заде, но они поверили только тогда, когда им показали номер газеты, в котором эти стихи были напечатаны.

Вначале Турсун-Заде писал в несколько традиционной манере, но правда новой жизни брала свое. Уже в «Сыне родины», поэме, написанной о людях военной поры, поэтическая манера Турсун-Заде становится живой и ясной.

Поэма проникнута чувством советского патриотизма, ее герои — таджик Кадыр и украинец Микола — отважные борцы за коммунизм. Кадыр

... хочет подарить стране родной
И небо, и себя, и шар земной.

Бойцам за коммунизм принадлежит будущее — такова основная мысль поэмы.

После Великой Отечественной войны поэт поехал в Индию; он словно вернулся к арабской азбуке, которую учил в детстве. Турсун-Заде встречался с поэтами и прозаиками, он побывал в деревнях Индии и Пакистана, ел хлеб из глины в хижинах, сплетенных из тростника.

Вернувшись на родину, поэт увидел людей, идущих с хлопкового поля. Они, вольные, напомнили ему другие встречи— с теми, кто принадлежал к шестидесяти миллионам касты «неприкасаемых». Неприкасаемые не смеют дотронуться до трамвайной ручки, чтобы не осквернить людей другой касты. С негодованием, сжимая кулаки, поэт рассказывал мне о том, что видел на улице индийского города: некто, на кого упала тень неприкасаемого, торопливо повернул обратно, едва не побежал. Советский поэт спросил, кто этот человек и что с ним случилось. «Это брамин, — отвечали поэту, — он чистый; его коснулась тень отверженного, и брамин побежал домой мыться». Тогда поэт советской страны немедленно открыл дверь своего временного жилища и пригласил «неприкасаемого» к себе, — гость боялся пожать руку поэта.

Он, как дикий олень, огляделся вокруг,
Он сказал: «Я из темного племени, друг,—
Мы преданье о встрече с тобой сохраним!..»

В стихах Мирзо Турсун-Заде, в его «Индийской балладе», в «Ганге», в «Шли с туманного запада люди», «Тара-Чанди», «Висячем саде в Бомбее», «В человеческой памяти», отмеченных Сталинской премией, мы знакомимся с лирикой человека, у которого своя советская мера в отношении людей и в отношении всего мира. Этот человек наблюдателен и чувствителен, он зорко воспринимает тончайшие детали и оттенки красок, но за дивными красками Индостана он видит целые провинции, погибающие от дистрофии, он видит Индию «черного цвета», нищету населения, изнуренность согбенных рикш, которые катают в колясках раскормленных грузных купцов. Входя в светлые, залитые солнцем дворцы индийских набобов, Турсун-Заде видит мрак Индии; перьями павлинов, шелками балдерок не прикрыть этого «черного цвета».

Под висячими садами Бомбея советский поэт с яростью думал о лицемерии английских правителей, собиравшихся «подарить» индусам и жителям Пакистана номинальную свободу.

Индус не забудет
столетие английского ига..
Под сенью восточной воздушного сада
в Бомбее—
Америки знамя! —
Не знаю обмана грубее!

Мирзо из Индии унес боль «очень близко, в своей груди». Стихи таджикского поэта трогают силой человеческого гнева против угнетателей, гнева, который — в такой высокой и чистой степени — присущ только гражданину СССР.

— От Сталинабада до Дели прямиком два часа полета, но мы ехали и летели кружным далеким путем,—рассказывал поэт.— Чтобы увидеть Дели, я должен был об'ехать треть мира. Вот какое я вынес ощущение пространства; но я вернулся домой еще и с ощущением эпох. Так, казалось, близка Индия, всего в двух часах, но как несоизмерима наша жизнь и жизнь индусов: наши мрачные легенды о прошлом для индусов, по милости англичан, все еще являются бытом.

Поэт, ужаснувшийся при виде висячих садов Бомбея, почувствовавший их ядовито-губительную тень, видит солнечные дали садов коммунизма, и он зовет человечество в эти сады.

В. ЗАХАРЧЕНКО

ПОЭЗИЯ КОЛХОЗНОГО ТРУДА

Мир, залитый ослепительным солнцем, опаленный грозами войны, новый мир, заселенный замечательными советскими людьми, встает перед нами со страниц поэмы Николая Грибачева «Колхоз «Большевик».

С исключительной зоркостью и проникновенностью удалось автору увидеть и раскрыть перед нами черты нового в жизни советской деревни, те черты передового, которые торжествуют над старым, отживающим.

Вот она, чудесная русская природа, поля, луга, леса... В этот пейзаж естественно входят черты нашего времени:

«А вдали, полю с небом встык... расстилает пыль грузовик. И все чудится, что шофер... даст газку и во весь опор в'едет в звонкую синеву».

Новые люди живут на фоне этой обновленной природы. Творцы, строители жизни, хозяева ее. Они стремятся к счастью и находят это счастье в труде, направленном на общее благо. Кто они? Это тридцатилетняя колхозница Матрена — государственный человек. Она

в селе примером ставится,
поставь на область—справится,
министром сделай — втянется.

Это старшина, пришедший с фронта, ныне студент института. Это колхозный радист, передающий посевную сводку. Это девушка-шофер, это колхозный поэт, это учитель-мичуринец. Это однорукий Фрол, что брал Берлин, Клим Лузгин с медалями за Сталинград, Белград и Вену. Умно, по-государственному вершат они дела своего колхоза.

Новый размах, новые интересы у этих людей. Пастухи несут в поле книги Лермонтова, в колхозе выступают драмкружковцы, в соседней МТС демонстрируется фильм, у деда внук просится в нахимовское училище. А когда приезжает из Румынии старшина, его принимают, как полпреда колхоза в Европе, — «хорошо бы сделать доклад — пусть послушает весь колхоз».

Исконно крестьянское чувство бережливости направлено уже по новому руслу. Колхоз был разграблен немцами, — мебели нет. Ее можно закупить, но «будет стул тот весить с десять или больше трудодней, а они-то, трудодни, — не дарёные они!» И местный столяр создает общественную мебельную мастерскую, да такую, что из других колхозов приезжают к нему учиться.

Весомо и зримо показал Николай Грибачев вторжение нового не только в быт колхозника, но и в сознание его. Советский колхозник — это человек, который прошел полмира. Он видел зарубежные страны и знает им цену. Он хорошо чувствует свое превосходство над этим миром. «Глядит на нас Европа вся, а также прочий мир...»—говорит на собрании председатель колхоза.

Грибачеву удалось показать в своей поэме источник силы наших людей. Это— партия, именем которой назван колхоз. «Нас от партии не оторвешь, тридцать лет мы душою с ней...»

В трудные минуты, в часы напряженного труда, в дни большой радости встает перед советским человеком образ того, кто ведет его к счастью, — образ вождя.

«— А Сталин что сказал? — Вперед!» — восклицает Фрол, когда нужно решать важный вопрос на собрании.

И на празднике колхоза «люди от счастья хмельны, за Сталина здравицу пьют»...

О могучей преобразующей роли советской власти в деревне и неразрывной связи вождя с народом говорит поэт:

Над фронтоном правленья
Юн, порывист, горяч,
Как зари повеленье,
Веет в небо кумач,
И, с колхозной округой
Породнившись навек,
Курит мирную трубку
Сталин — свой человек.

Грибачев написал поэму, прославляющую счастливый труд нового человека на селе. Читая ее, испытываешь гордость за свой народ.

Написанная простым, образным языком, музыкальная по звучанию, праздничная по ритму стиха, эта поэма близка и понятна народу.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

— Какой это прекрасный, стойкий и умный поэт Ян Судрабкалн, — невольно говоришь себе, перелистывая страницы его книг. В них всегда сочетаются красивые образы и сила чувств с чутким восприятием жизни и ясной мыслью. Подобно своему старшему современнику, классику латышской поэзии Райнису, Судрабкалн — поэт мысли, поэт раздумий о человеке и народе.

Ян Судрабкалн (родился в 1894 году) начал свой литературный путь давно. Еще в 1912 году, бездомным мальчиком, сиротой приехав в Ригу, он принес свои стихи в журналы передового революционно-демократического направления. А. Упит—первый наставник талантливого стихотворца.

Судрабкалн был полон романтической мечты о прекрасном. Он писал о том, что солнце светит для всех людей и каждый сможет найти себе место под солнцем. Подобно Эдуарду Багрицкому, Ян Судрабкалн восклицал: «фантастов и мечтателей я славлю, их подвижник и поэт».

Недаром в стихах Судрабкална велико чувство природы — много неба, весны, облаков и птиц — поющих жаворонков, стремительных ласточек. Даже названия его ранних книг — «Крылатая Армада», «Полет ласточки», «Лампа на ветру»...

Но и в мечтательных, романтических стихах молодого Судрабкална звучит трагическая нота боли за человека, за свой родной народ. Социальная тема рано вошла в поэзию Судрабкална.

Первая мировая война, в которой поэт участвовал в рядах русской армии, еще острее обнажила перед ним зияющие противоречия жизни, вражду между правящими классами и трудящимися. Его безотчетная тревога, боль за человека обострились презрением и ненавистью к буржуазии. Вера в победу Человека была для Судрабкална опорой в те годы, когда провинциальная ограниченность буржуазной Латвии душила его талант. Русская и советская литература была тем источником, который укреплял силы латвийского поэта. Пушкин, Тютчев, Блок, Маяковский, Горький— любимые писатели Судрабкална, в совершенстве изучившего русский язык.

И вот когда, наконец, Латвия вошла в семью советских республик, мечты поэта получили реальную почву. Жизнь сняла разлад между мечтой и действительностью. Крепко, уверенно зазвучал певучий стих Я. Судрабкална. Произведения, созданные им после 1940 года и об'единенные в книгу «В братской семье», ныне удостоены Сталинской премии.

Это превосходная книга, книга истинной поэзии, — страстная, политическая, партийная, глубокая по мысли, исполненная ненависти к фашизму и неподдельной любви к нашей великой советской Родине.

Без преувеличения можно сказать, что после Райниса в латышской поэзии еще не появлялось поэтических произведений, столь насыщенных правдивым общественным содержанием, проникнутых дыханием народной жизни.

В годы Отечественной войны Судрабкалн едет в Москву. Его слова воодушевляют бойцов латышской дивизии. Он выпускает книгу стихов — «Жаворонки зовут в бой» (1942). Его брошюра очерков о Москве, о столице советских людей названа «Ласточки возвращаются».

В первых советских стихах довоенного периода Судрабкалн рисует Европу, раздираемую фашизмом, живущую в военной лихорадке, в противовес советской стране мирного труда. Искренне, с волнением пишет Судрабкалн о любви латышского народа к своему освободителю, великому Сталину.

В военных стихах Судрабкална замечательна не только тема горячего патриотизма, которую он делит со всеми советскими поэтами. В этих стихах превосходны картины великой народной борьбы. Здесь Судрабкалн нашел свои краски, искренние слова, в которых удивительно ясно и хорошо об'единились присущие поэту задушевная мягкость и пылкая романтика.

Большой поэт рождается в народе, чтобы стать певцом его, борцом за его счастье. Таким предстает перед нами в своем творчестве латышский поэт-коммунист Ян Судрабкалн.

Н. АТАРОВ

Светлая повесть

Писателя Эм. Казакевича наш читатель полюбил за единственную и не очень-то большую повесть. Настоящим праздником для многих является сегодня увенчание Сталинской премией молодого автора «Звезды».

С войны вернулся офицер разведки, скромный поэт, известный малому кругу ценителей, сел за тетрадки и рассказал о фронтовых товарищах. Рассказчик оказался, на нашу удачу, человечный, общительный и умный, он не прикинулся изощренней и особенней своих читателей. Вместе с народом он почувствовал и понял на войне главное: советского человека, стоящего высоко на нашей планете, очень высоко — на высоте звезды.

В окопах боевого охранения, перед выходом в ночной поиск, автор видел своих товарищей в страшном безжизненном свете немецкой ракеты. Ему—да и его товарищам — казалось в эти минуты, что их видит весь мир. Отсюда, из этого впечатления, родилась у Казакевича душевная потребность увидеть еще раз прекрасное, заключенное в нашем человеке, увидеть уже не в безжизненном свете немецкой ракеты, а в живом и теплом свете социалистического искусства.

Сила повести Эм. Казакевича состоит в том, что душевная потребность автора, питавшая его вдохновение, полностью слилась с душевной потребностью народа.

Взвод разведчиков во главе с лейтенантом Травкиным шагал по обочинам дорог весной 1944 года где-то в лесах Западной Украины. Шли добродушно-спокойный силач Аниканов, бесстрашный, широкоплечий, белозубый Марченко, самолюбивый и заносчивый портовой бузотер Мамочкин, семнадцатилетний мальчик Юра Голубь. Юноши в широченных керзовых сапогах, лихие разведчики — всегда на виду у смерти! — ребята, оставившие где-то далеко в России родителей и школьных наставников, огрубевшие, заросшие, возмужалые и все-таки по-ребячески милые и—главное —думающие не о своей жизни, а только о боевой задаче, — как прославлена вами Родина, как она возвеличена в ваших бессмертных делах!

В дни страстного порыва Советской Армии на Запад, где-то в самых передовых волнах великого очистительного шквала, каким было наше наступление 1943—1944 годов, — увидел и запечатлел в своей памяти Эм. Казакевич как будто очень простые, а на самом деле очень сложные образы.

Великая бездомность сотен и тысяч людей, страх смерти, усталость, искажающая душу... Мы знаем по образам мировой литературы, каким выходил из этого пекла маленький человек капиталистического мира. Мы помним образы первой мировой войны — в вогнутых и выпуклых цинично-пародийных зеркалах Селина, Хемингуэя, Роже Верселя.

Советский писатель изобразил картину нашей освободительной народной и справедливой войны, нисколько не усмирив ее трагических красок. О письмах матери к сыну-фронтовику он говорит предельно честно: они «в сущности были невысказанной горячей просьбой: не погибнуть». О гибели хорошего и смелого Марченко он говорит с глубокой человечностью и выразительной силой, рисуя «на темной куче соломы вещевой мешок, потемневший от времени и от непогоды», — все, что осталось от товарища, не вернувшегося с боевого задания. Гибелью главного героя — справедливого и бескорыстного, пленившего нас душевной ясностью Травкина, — кончает писатель свою повесть.

Он рассказывает о страшных делах войны с той настоящей большевистской правдой, которая дает и силу звучности молодому голосу и самое право — высказать все обо всем.

— Скорее бы войне конец... Нет, не устал. Я не говорю, что я устал. Но просто пора, чтобы людей перестали убивать.

Так говорит, охваченный скорбью, не примиряясь со смертью Травкина, его фронтовой товарищ Бугорков, советский человек. В этих словах жизнелюбивая особенность социалистического гуманизма.

Как же отличается волевой и оптимистический мир наших фронтовиков в изображении писателя-коммуниста от бредовых кошмаров войны в книгах буржуазных художников!

По правде сказать, я немного завидую тем читателям, которые еще не знают повести Эм. Казакевича и познакомятся с нею теперь, после ее высокого признания. Я хотел бы с ними опять пережить то чувство знакомства с новым писателем, когда он, как бы не делая усилий, с первых же страниц располагал меня к себе, и я читал, словно бы вдвоем с ним, он стоял рядом, и я почти физически ощущал его ровное, живое дыхание за моим плечом— это было ощущение неподдельной талантливости автора.

Самое главное, большое и важное возникло тогда передо мной, как бы выделилось со страниц маленькой книжки: жизнеутверждающая сила нашего строя, укрепляющего даже в кровавых событиях войны совершенную, далеко вперед заглядывающую мораль, высокую этику коммунизма.

Можно ли, в самом деле, говорить об обреченности окопного человека, когда во взводе разведчиков так подлинно по-советски складываются отношения между Травкиным и Мамочкиным, между военным следователем и разведчиками, между Мещерским и его бывалыми друзьями, между солдатами и девушкой Катей.

Трагедия неразделенной любви Кати к Травкину, ее печальный финал, изображенный Эм. Казакевичем, естественно вливается в поэтическую атмосферу повести.

Разговор двух полевых раций — деловой обмен сведениями между разведчиком, сигнализирующим из немецкого тыла, и полюбившей его штабной радисткой—вдруг становится для нас необыкновенно важным.

«Что означал ответ Травкина на ее заключительные слова по радио? Сказал ли он «я вас понял» вообще, как принято подтверждать по радио услышанное, или он вкладывал в свои слова определенный тайный смысл?»

Эта мысль волновала не только Катю весной 1944 года в лесах юго-западной Украины. Эта мысль волнует и нас—всех, живущих после Травкина на земле, отвоеванной его подвигом, подвигом тысяч юношей в широченных керзовых сапогах.

Где-то на родине нашей, в одном из ее населенных пунктов, — мы верим, — хранятся у матери Травкина его красная общая тетрадь по физике и детские чертежи водяного двигателя, придуманного двенадцатилетним мальчиком. Живет наша страна. У нее много хороших сыновей — строителей и воинов, разведчиков и художников. Они замыкают ряды, сменяя павших.

Повесть заканчивается рассказом о том, как важное донесение разведчиков о сосредоточении новой танковой дивизии немцев передается по проводам военно-полевой связи из дивизии в армию, из армии во фронт, из штаба фронта в Ставку Верховного Главнокомандования, в Москву.

Всюду это донесение, конечно, меняясь в масштабах значимости, вносит что-то важное на карту войны и как-то определяет ее конечный исход.

«Так ширились, — пишет автор, — круги вокруг Травкина, расходясь волнами по земле: до самого Берлина и до самой Москвы».

В сущности, повесть Казакевича чем-то сродни скромному подвигу ее героев. Молодой писатель честно и искренно совершил свой поиск правды, и вот круги вокруг его повести по тем же законам, описанным самим автором, ширятся и ширятся, расходясь волнами по земле среди всего читающего народа...

Такова награда за страстную и воодушевленную правду в искусстве, за партийность чувства и мысли, за преданность делу коммунизма.

К. ЧУКОВСКИЙ

Победа ученого-новатора

Велика была моя писательская радость, когда около полугода назад я впервые прочитал эту темпераментную, сильную самобытную книгу. Признаться, я испытал даже зависть к ее богато вооруженному автору: с каким виртуозным искусством владеет он всеми родами оружия, которое необходимо ему для победоносного торжества его темы.

Тема эта чрезвычайно трудна. Не сохранилось и не могло сохраниться никаких материалов, документально свидетельствующих о том, что А. С. Грибоедов с юности и до последнего вздоха был неразрывно связан с революционным движением своей эпохи.

Чтобы завоевать эту истину, автору пришлось преодолеть тысячи всевозможных препятствий. Вокруг этой истины в течение столетия скопилось такое великое множество сбивчивых, шатких, противоречивых суждений, недомолвок, полуправд и неправд, что автору понадобилась вся страстная энергия его аналитической мысли, вся глубокая и многообразная его эрудиция, чтобы рассеять старые и новые мифы.

Вот почему книга «А. С. Грибоедов и декабристы», при всей своей академической внешности, — одна из самых пылких, боевых и воинственных книг, какие достались нам от минувшего года. Где ни раскроешь ее, — всюду атаки, бои, причем автор воюет не столько против ложных концепций, выдвинутых в давно прошедшее время, сколько против современных пороков нашей литературоведческой практики: вульгаризаторства, упрощенства, об'ективизма, гелертерства. Вся книга дышит сегодняшней нашей идейной борьбой и по праву является гордостью нынешней советской литературной науки.

Сколько было написано статей, книг, диссертаций, исследований о жизни и творчестве гениального автора «Горя от ума»! Но М. Нечкиной удалось чуть не на каждой странице сказать о нем новое слово и каждый эпизод его жизни и творчества осветить для нас новым светом.

Другие авторы, например, говоря о первом петербургском периоде жизни А. С. Грибоедова (1814—1818), сосредоточивали внимание читателя, главным образом, на кутежах, театральных увлечениях, закулисных интригах, истории с балериной Истоминой и т. д. и изображали молодого поэта бездумным прожигателем жизни. Нечкина с неотразимой убедительностью показала, что именно в этот период оформлялось революционно-патриотическое мировоззрение Грибоедова, что именно тогда раскрылся перед ним тот грозный конфликт между старым и новым миром, который лег в основание его великой комедии.

Буржуазные исследователи твердили один за другим, что идеология декабризма была будто бы «импортирована» из Западной Европы. Прав был проф. Д. Благой, когда в своей статье об этой книге («Литературная газета» от 13 сент. 1947 г.) он ставил в особую заслугу М. Нечкиной, что она доказала, как глубоко коренилась эта идеология в нашей национальной почве, как кровно была она связана с тогдашней русской действительностью.

Таким же подлинно национальным явлением встает перед нами и бессмертная комедия Грибоедова.

Историко-литературный анализ «Горя от ума», сделанный М. Нечкиной, кажется мне классическим: автор выступает здесь не только как ученый-историк, но и как проникновенный психолог, жаркий полемист, художник слова. Обаятелен стиль этой книги — пластический, гибкий, богатый оттенками и в то же время предельно простой.

У нас еще немало равнодушных литературных ремесленников. Может быть, хоть после этой книги им будет совестно рассматривать наших величайших писателей пустыми рыбьими глазами и говорить о них псевдонаучным языком, лишенным всяких интонаций.

Вообще, эта вдохновенная книга может многому научить и историка, и литературоведа, и критика!

А. КУЛЕШОВ

Опережая время

Первые стихи Максима Танка (Евгения Ивановича Скурко), появившиеся в печати, были посвящены тяжелой жизни и борьбе трудового белорусского народа под гнетом польских панов.

Он сам в те годы испил горькую чашу народного горя, но не пал духом и встал на путь сопротивления поработителям. Как участник коммунистического подполья, Танк был схвачен польскими жандармами и заключен в тюрьму. Но и это не сломило его воли, а лишь укрепило в нем веру в освобождение своего народа.

Уже ранние стихи его были глубоко оптимистичны, они выражали органическую связь поэта с трудящимися Западной Белоруссии, с их борьбой. Темам этой борьбы посвящено почти все творчество Максима Танка до 1939 года, года воссоединения белорусского народа в одном социалистическом государстве.

Своим творчеством Танк вписал новую страницу в развитие белорусской поэзии. Если Янка Купала в дореволюционных стихах призывал белорусских трудящихся к тому, чтобы «зваться людьми», то М. Танк в западно-белорусских стихах выразил превосходство простого человека, человека труда над панами-эксплоататорами. В одном стихотворении, говоря о кладбище, на котором схоронены под мраморными плитами паны, их деды и прадеды, он иронически восклицал: «На каждом таком мавзолее я звонкий повесил бы смех!»

Тема нравственного превосходства простого человека из народа, человека труда, над паном-эксплоататором красной нитью проходит во всем творчестве М. Танка западно-белорусского периода. Это чувство человеческого достоинства не случайно в его стихах. Оно появилось от ощущения близости, соседства с великим Советским Союзом, где трудящиеся стали хозяевами своего счастья, своей жизни. Взоры трудящихся Западной Белоруссии все время были обращены на Восток; только в Советском Союзе видели они осуществление своих лучших чаяний и надежд. Поэтому, описывая явления западно-белорусской жизни, поэт вместе с народом как бы чувствовал себя будущим гражданином Советского Союза; с этой вышки будущего он рассматривал все явления и события.

Именно поэтому после воссоединения белорусского народа в одном социалистическом государстве М. Танк быстро и органично включился в строительство социализма. Исполнилась его давняя мечта! В своих произведениях он художественно выразительно, с большой сердечностью и точностью отобразил явления новой для него действительности.

В годы Великой Отечественной войны своим творчеством М. Танк помогал борьбе всего советского народа с черными силами немецкого фашизма. Стихи его проникнуты боевыми гражданскими мотивами. В ту пору им написана была большая поэма «Янук Селиба» о героической борьбе белорусских партизан.

И здесь необходимо особо отметить работу Максима Танка. За последние два-три года он написал больше трех тысяч стихотворных строк, которые он об'единил в книге под общим названием «Кабы ведали», отмеченной Сталинской премией. В стихах этой книги поэт затрагивает тему послевоенного строительства и с большой силой, свежо, по-своему ее решает. Послевоенная жизнь Советской Белоруссии находит свое полнокровное звучание в стихах этой превосходной книги. Максим Танк, один из лучших белорусских поэтов, находит простые, взволнованные сердечные слова для поэтизации колхозного труда:

Добрай раніцы ў полі шырокім
Вятрам сухавеям,
Каласам умалотным, высокім,
Рупным жнеям.
Добры дзень жаўруку ў ясным небе,
Сцюдзёнаму квасу,
Чэсна запрацаванаму хлебу,
Ніве, калгасу.
Добры вечар дарозе да дому,
Вясёлым калёсам...

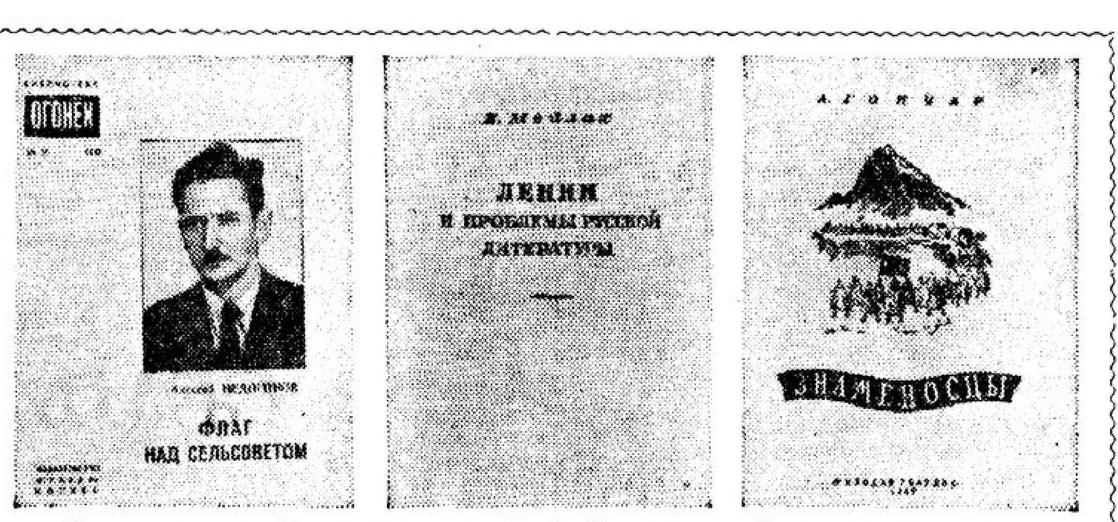
Не менее проникновенно он решает тему индустриализации своей республики. Внимание поэта привлекла стройка вблизи Минска автомобильного завода, который вместе с другим гигантом послевоенной пятилетки — тракторным заводом — коренным образом изменит экономику Советской Белоруссии, отразится на быте городов и сел. Минский автозавод будет выпускать грузовые автомобили с эмблемой зубра, припаянной к радиатору. Эта деталь породила у Танка чудесное стихотворение «Дружба», проникнутое любовью к советской технике, к социалистической культуре, призванной упрочить счастье трудящегося народа:

З заводу мінскага вясною,
Як толькі снег з узгорку знік,
Вазіць насевак — яравое
Прышоў шматтонны грузавік.
Ён ззяў увесь ад фарбы свежай,
Быў дужым, грузы падымаў.
І зубр жалезны, з Белавежы,
На радыятары стаяў.
А з лесу, — з-за стваолў сасновых,
Дзе змрок заўсёды, бы ў начы,
За гэтым дзіўным госцем новым
Дзень цэлы зубр жывы сачыў.
Сачыў і думаў: мо прынада?
Не апынуцца-б у бядзе.
Чаго той не шукае стада?
Чаму змагацца не ідзе?..
. . . .
Да дня яны там гаварылі,
Ніхто не ведае аб чым.
Адно, чуваць, што падружылі
Жалезны зубр з зубром жывым.

Стихи Максима Танка, забегая вперед, опережая время, несут в себе стойкую мечту о тех днях, когда из ворот Минского автозавода пойдут в просторы нив многотонные грузовики; они будут нести новую социалистическую цивилизацию, призванную возрождать землю для счастья трудовых людей.

Стихи книги «Кабы ведали» рождены мощным дыханием нашей социалистической жизни. Они помогают читателю—строителю наших заводов, городов, колхозов— в его повседневной, всегда творческой борьбе за светлое счастье, за коммунистическое завтра.

Эта книга — несомненная творческая удача поэта, она большое событие всей нашей советской поэзии.

Книги лауреатов Сталинских премий: А. Недогонова—«Флаг над сельсоветом», Б. Мейлаха — «Ленин и проблемы русской литературы» и А. Гончара — «Знаменосцы».

Завод, где все учатся

Евгений Александрович Махотин побывал больше чем в десяти книжных магазинах столицы, в том числе почти во всех букинистических. Он искал сочинения и учебники — иногда старые забытые книги — по логике.

Евгений Александрович Махотин — не философ по специальности. Он — инженер завода имени Владимира Ильича, слушатель заводского вечернего лектория по истории философии и логике.

На этом передовом заводе столицы учатся почти все — от директора до юных выпускников ремесленных училищ. Сотни людей, подобно инженеру Махотину, изучают логику, философию, историю нашей Родины, историю коммунистической партии, экономику страны, географию, знакомятся с техническими достижениями.

Широко развито на заводе техническое обучение — учится почти каждый второй рабочий. Стахановские школы и курсы техминимума готовят специалистов разных профессий. Инженерно-технические работники посещают семинары по освоению производства новых видов изделий, по экономике, технологии, всесторонне и глубоко знакомятся с современными достижениями советской науки и техники. К их услугам— вся необходимая литература обширной заводской библиотеки.

Многие ныне ведущие технические работники завода пришли сюда малоквалифицированными рабочими. 20 лет трудится здесь Николай Александрович Дубровский. Без отрыва от производства он получил высшее техническое образование, стал начальником конструкторского бюро отдела главного механика. Бывший шлифовщик Казимир Васильевич Вускин сейчас—начальник отдела стандартизации, счетный работник Антонина Васильевна Иванова после окончания вечернего факультета Экономического института занимает пост руководителя бюро нормативов.

Секретари Москворецкого райкома ВКП(б) тт. Панов и Платонов, директор завода шлифовальных станков тов. Ермаков начинали свой трудовой путь рабочими на этом заводе. Нынешний главный инженер завода тов. Скорняков тоже в недавнем прошлом мастер цеха.

На заводе можно найти немало людей, продолжающих свое образование за стенами завода. 25 рабочих и служащих учатся на вечерних факультетах Энергетического и других институтов столицы. Трое инженеров готовятся к защите диссертаций на степень кандидата наук. 135 юношей и девушек, не успевших завершить среднее образование, занимаются в вечерней школе рабочей молодежи.

Интересы заводского коллектива многообразны. Очень популярен здесь недавно организованный музыкальный лекторий; полон зал заводского клуба в дни выступлений писателей, поэтов, публицистов, архитекторов, артистов, драматургов.

ПРИОБРЕТЕНИЯ МУЗЕЯ Н. ОСТРОВСКОГО

Дальняя родственница Николая Островского — Мария Панченко передала недавно музею Н. Островского в Москве письмо, полученное ею в 1927 году от автора романа «Как закалялась сталь». Н. Островский написал это письмо на курорте «Горячий ключ» (в 60 километрах от Краснодара), где он в то время лечился. Письмо возбудило большой интерес у сотрудников музея: оно было самым поздним из известных до сих пор автографов Н. Островского, относящихся ко времени, когда писатель еще не потерял зрения.

Ценным пополнением фондов музея является и письмо, полученное женой писателя Р. П. Островской от Любы Борисович, выведенной в романе «Как закалялась сталь» под именем Тони Тумановой. Люба Борисович, работающая в настоящее время учительницей в одном из сел близ Шепетовки (Украинская ССР), делится в этом письме воспоминаниями о своих встречах с Н. Островским.

Экспозиция музея обогатилась новым скульптурным изображением Н. Островского работы московского скульптора В. Цигаля и макетом дома в селе Вилия (бывш. Волынская губерния), где родился писатель.

Наступление на Каспий

БАКУ. (**Наш спец. корр.**). Моряки, совершающие рейсы между Баку и другими портами Каспия, все чаще отмечают появление в открытом море новых «стальных островков».

Это не явление природы. Измененный морской пейзаж не столько удивляет, сколько радует советских людей, ибо стальные острова в открытом море — свидетельство новой победы отечественной техники.

Ваш корреспондент вместе с управляющим трестом морского бурения, лауреатом Сталинской премии Ю. А. Сафаровым выехал на один из таких островов. Инженер Сафаров, недавно закончивший очень ценную работу над докторской диссертацией «Глубокое бурение на море», рассказывает:

— Уже давно известно, что вся южная морская полоса, окаймляющая Апшерон от Путинского залива до мыса Шахова Коса, — нефтеносная. Скрытая водами Каспия, нефтяная зона простирается на многие сотни километров. Добыть это черное жидкое золото, сделать его достоянием народного хозяйства — дело огромной государственной важности. Инициатором и организатором этого чрезвычайно трудного дела был Сергей Миронович Киров. Известно, что одним из самых распространенных способов добычи нефти со дна моря является создание искусственных площадей. «Бухта Ильича», сооруженная по инициативе товарища Кирова, — один из первых в истории примеров широкого наступления на море.

Но богатейшие «нефтяные провинции» простираются в глубь Каспия; создавать вдали от берегов, в открытом море искусственные острова — слишком дорого и невыгодно.

— В Америке, — продолжает инженер Сафаров, — на побережье Калифорнии, в заливах и озерах штатов Техас и Луизиана тоже добывают нефть. Но американцы не научились добывать ее «островным способом».

Проблема добычи нефти со дна почти всегда бурного Каспия оказалась чрезвычайно сложной, но советские люди успешно решили ее. Они создали оригинальную конструкцию металлического основания, на котором устанавливается сорокаметровая стальная вышка и все буровое оборудование общим весом в сотни тонн. Эта работа группы молодых инженеров удостоена Сталинской премии.

Но не только это достижение помогло советским нефтяникам развернуть успешное наступление на море. Созданная в нашей стране техника турбинного и наклонного бурения оказалась наиболее эффективной на морских промыслах. Наклонное бурение дает возможность вести с одного основания проходку нескольких скважин в разные стороны — кустообразно. Этот способ значительно удешевляет стоимость всего процесса.

Мы побывали на одной из вышек, находящейся в двенадцати километрах от берега. Жизнь нефтяников здесь своеобразна. С материка идет снабжение электроэнергией, глинистым раствором и сжатым воздухом, необходимыми для бурения и добычи нефти, которая откачивается в береговые резервуары по трубам, проложенным на дне моря. На вышках установлены телефоны, а на некоторых — рации.

Из-за частых штормов нередко бывают дни, когда катера не курсируют между берегом и буровыми вышками в море. Но работа на стальных островках не прекращается. У рабочих есть аварийный запас пищи, пресной воды, теплой одежды, медикаментов. Укрыться от непогоды нефтяники могут в прекрасно оборудованной «каюте».

В Баку создан специальный трест морского бурения, в который входят такие крупные промыслы, как Артем-море, Гюрген-море и другие.

Идея Сергея Мироновича Кирова—идея широкого наступления на Каспий — осуществлена! Все дальше от берегов уходят нефтяные вышки, освещая ночью путь кораблям яркими электрическими огнями.

Дружба двух университетов

Беседа с академиком А. Н. Несмеяновым

7 апреля Чехословакия будет праздновать 600-летие старейшего славянского университета — Карлова университета в Праге.

— Это праздник ученых и студенчества всех славянских стран, — заявил ректор Московского государственного университета академик А. Н. Несмеянов, рассказавший корреспонденту «Литературной газеты» о традиционных связях между старейшими высшими учебными заведениями Москвы и Праги.

— Чешская наука, — сказал он, — развивалась всегда в тесном содружестве с русской наукой. Русские ученые, писатели, общественные деятели оказали большое влияние на развитие чешской культуры. Народ Чехословакии знает и любит Пушкина, Толстого, Гоголя, Лермонтова, Грибоедова, Чехова, Горького и других великих русских писателей. Чешские ученые и студенты изучают великое научное наследие Ломоносова, Менделеева, Павлова, Лобачевского, Чебышева, Жуковского, Тимирязева, Сеченова.

Весьма значителен вклад русских ученых в славянскую филологию. В московском университете кафедра славяноведения существует с 1842 года. Во все времена ученые университета поддерживали самую тесную связь с учеными братских славянских стран. На лекции в Московский университет приезжали чехи, сербы, хорваты и многие другие представители славянских народов.

В свою очередь чешская наука, развивавшаяся в Пражском университете, всегда глубоко интересовала русских ученых. «Славянские древности» П. Шафарика были достоянием широкого круга специалистов, книга эта не забыта и до сих пор. В Праге работали представители русской научной мысли О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский и многие другие.

Чешский ученый Б. Браунер, являвшийся личным другом Менделеева, способствовал распространению идей, заложенных в периодической системе элементов. Видный чешский медик И. Гамерник был близко знаком с лучшими представителями русской медицинской науки. Наши ученые совместно с чешскими участвовали в разработке и обсуждении проблемы подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, занимавших столь долго ученый мир.

После окончания Великой Отечественной войны связь между славянскими учеными и студенчеством еще более усилилась и укрепилась. В 1947 году в Московском университете прочел курс лекций председатель Сербской академии наук А. Белич, избранный почетным профессором Московского университета. В настоящее время здесь читает лекции профессор Пражского университета Б. Гавранек.

— Советские ученые и студенчество рады приветствовать своих чехословацких коллег в день 600-летия старейшего славянского университета, — заявил тов. Несмеянов.

На протяжении столетий Пражский университет являлся крупнейшим научным центром, воспитавшим целую плеяду видных чешских ученых во всех областях знания. Всему миру известны имена филологов И. Добровского и И. Юнгмана, историков Ф. Пельцеля, Ф. Палацкого, П. Шафарика, Зденека Неедлы, философа Т. Масарика, археолога Ф. Грозного, астронома А. Шафарика, химика Б. Браунера и многих других ученых.

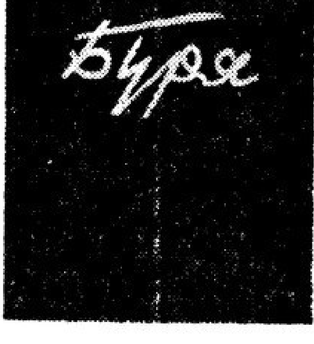
— Пражский университет был не только научным центром, но и центром национальной и политической борьбы чешского народа. В его стенах знаменитый ректор Ян Гус произносил свои пламенные речи, послужившие сигналом величайшему событию средневековой истории—гуситским войнам. В стенах университета в течение веков шла борьба против германизаторской политики Габсбургов. В июне 1848 года в Пражском университете размещался штаб революционного восстания, в числе руководителей которого были студенты университета Фрич, Сладковский, Бруна и другие.

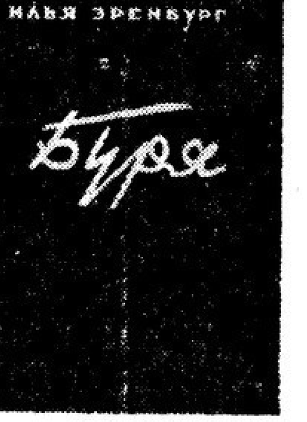
В годы гитлеровской оккупации Чехословакии профессора и студенты Пражского университета были, вместе с учеными Советского Союза, учеными всех братских славянских стран, в рядах борцов за свободу и независимость народов.

— Традиционная дружба между старейшими университетами Москвы и Праги,— заявил в заключение тов. Несмеянов, — приобретает особое значение сейчас, в дни борьбы прогрессивной науки за торжество подлинной народной демократии во всем мире.

Новые книги

Книги лауреатов Сталинских премий М. Бубеннова, И. Эренбурга и П. Павленко.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Амир М. Агидель. Повесть и рассказы. 227 стр. Цена 4 р. 75 к.

Адалис А. Стихи и поэмы. 124 стр. Цена 6 р. 25 к.

Бестужев-Марлинский А. Собрание стихотворений. Библиотека поэта. 216 стр. Цена 10 р. 25 к.

Бубеннов М. Белая береза. 356 стр. Цена 10 руб. 50 к.

Галин Б. В Донбассе. Очерки. 252 стр. Цена 7 р.

Гусев В. Избранное. День моей родины. Ведут народы бой. Песни. Слава (пьеса в стихах). 274 стр. Цена 12 руб.

Добролюбов Н. Стихотворения. Библиотека поэта. 230 стр. Цена 5 р. 75 к.

Ермилов В. Драматургия Чехова. 271 стр. Цена 9 р. 25 к.

Закруткин В. Кавказские записки. 1942—1943. 498 стр. Цена 12 р. 50 к.

Караваева А. Разбег. Роман. 437 стр. Цена 13 руб.

Кедрин Д. Избранное, 272 стр. Цена 6 р. 25 к.

Костылев В. Счастливая встреча. Роман. 311 стр. Цена 9 руб.

Кирсанов С. Чувство нового. Поэмы и стихи. 1940—1947. 184 стр. Цена 7 р. 50 к.

Краминов Д. Второй фронт. Записки советского военного корреспондента. 222 стр. Цена 6 руб.

Кратт И. Дом среди тундры. 288 стр. Цена 7 р. 75 к.

Кнорре Ф. Твоя большая судьба. 240 стр. Цена 4 р. 50 к.

Лапин Б. Избранное. 283 стр. Цена 8 р. 25 к.

Лагин Л. Патент «АВ». Фантастический роман. 348 стр. Цена 10 р. 75 к.

Лукс В. Гнев и радость. Стихи. 112 стр. Цена 4 руб.

Марков Г. Строговы. Роман. 603 стр. Цена 18 руб.

Нагибин Ю. Зерно жизни. 356 стр. Цена 6 р. 75 к.

Никитин И. Собрание стихотворений. Библиотека поэта. 468 стр. Цена 19 р. 50 к.

Никитин Н. Это было в Коканде. 607 стр. Цена 16 р. 25 к.

Нагаева Е. Страда. Повесть. 222 стр. Цена 4 р. 25 к.

Панова В. Кружилиха. 270 стр. Цена 7 р. 50 к.

Павленко П. Счастье. Роман. 303 стр. Цена 9 р. 25 к.

Пришвин М. Мои тетрадки. 240 стр. Цена 4 р. 50 к.

Панов Н. Боцман с «Тумана». Повесть. 216 стр. Цена 4 руб.

Субботин А. Простые люди. Роман. 280 стр. Цена 8 р. 50 к.

Серебрянский М. Литературные очерки. Статьи о советской литературе. 400 стр. Цена 13 р. 50 к.

Семушкин Т. Чукотка. 398 стр. Цена 11 р. 75 к.

Сыдыкбеков Т. Люди наших дней. Роман. 360 стр. Цена 12 руб.

Явич А. Перед рассветом. Повесть. 180 стр. Цена 3 р. 65 к.

М. РЯКИН, К. БОГОЛЮБОВ

ПЕРВЫЙ ПРОЗАИК АДЫГЕИ

В славную семью Сталинских лауреатов вступил первый адыгейский прозаик Тембот Керашев. Керашев родился в 1902 году в семье крестьянина-бедняка, учиться начал после Октябрьской революции. В 1929 году окончил Московский промышленно-экономический институт, учебу совмещал с литературной работой.

Эту работу он начал переводом на адыгейский язык гимна «Интернационал».

Последние годы он упорно работал над романом «Дорога к счастью», который теперь удостоен Сталинской премии.

Роман посвящен социалистическому преобразованию советской деревни в годы коллективизации сельского хозяйства.

На примере своего народа Т. Керашев убедительно показал, как большевистская партия и советское государство преодолели политическую, экономическую и культурную отсталость народов нашей страны и подняли их к сознательной творческой деятельности.

Действие романа развертывается в небольшом адыгейском ауле Шеджерий. Сын хлебороба из соседнего аула, Биболет Мозоков, студент московского вуза, приезжает на летние каникулы в гости к своей сестре Айшет. Много несправедливого и жестокого увидел он в ауле Шеджерий: кулачество нещадно эксплоатировало бедняков, женщины оставались на положении рабынь, над всем еще тяготела власть вековых предрассудков.

Необходима была коренная ломка старой жизни аула. Человеком, начавшим эту ломку, большевиком, полным решимости бороться за новую жизнь, и показан в романе Биболет Мозоков.

«Придется нам с тобой заново революцию делать в ауле!» — говорит он бедняку Мхамету.

Решительно действуя против пережитков прошлого и вредных национальных обычаев, Мозоков учил бедняков, сплачивал их в силу, способную перестроить жизнь аула.

Особенно близко подружился Биболет с Доготлуко. Доготлуко, в прошлом пастух, — первый коммунист аула, прошедший школу гражданской войны в рядах Красной Армии. Принципиальный, прямой и последовательный в своих действиях, он продолжает дело, начатое Мозоковым, когда тот возвращается из родного аула на учебу.

В образе Доготлуко показана цементирующая сила большевистской партии в социалистической перестройке сельского хозяйства. Доготлуко стал вожаком аульной бедноты и батраков. Сразу же после от'езда Мозокова он стал серьезно готовиться к созданию партийной и комсомольской ячейки. По его инициативе в ауле открывается клуб, впервые организуется торжественное празднование Первого мая; на собрание, вопреки обычаям, приглашают женщин. Под влиянием коммунистов и комсомольцев в ауле организуется колхоз.

Перед читателем проходит галлерея других персонажей романа. Среди них выделяются представители бедняцко-батрацкой части аула — Мхамет, Халяхо, Карбеч, русский батрак Иван. Ярко изображены их чувства и поступки, тяга к новой, лучшей жизни.

Правдиво рисует писатель становление колхоза, трудности, связанные с его организацией, классовую борьбу в деревне. Пролезшие в колхоз кулаки старались подорвать его изнутри, дискредитировать идею коллективизации. К руководству колхозом пробрался сын кулака Юсуф Бехугов; его подручные пристроились конюхами, ездовыми, сторожами. Вскоре сказались результаты их вредительства и провокаций: большая часть обобществленного скота и инвентаря была уничтожена, колхоз оказался на грани развала. Бедняки и середняки видели, как рушится их артельное хозяйство, но еще не знали, как ликвидировать кулацкое вредительство и восстановить колхоз. Растерянность охватила даже часть аульских коммунистов, не имевших опыта.

В этот напряженный момент требовалась помощь, способная сокрушить врага, — мудрая помощь партии. Ее с надеждой ожидали крестьяне.

И эта помощь пришла! В ауле Шеджерий снова появляется Биболет Мозоков. На этот раз он прислан обкомом партии, чтобы помочь колхозникам навести порядок в их артельном хозяйстве. Теперь мы видим Биболета еще более зрелым, достойным представителем национальных партийных кадров, воспитанных партией.

Способность разобраться в сложной обстановке, уменье схватить главное, постоянная связь с массами и опора на преданных делу партии людей — его основные черты, как и многих тысяч других коммунистов, которых партия посылала в деревню в период становления колхозов для помощи местным партийным организациям.

В романе убедительно изображено, как Мозоков разматывает сложный клубок дел в ауле. Он открывает, что партийная ячейка допустила серьезные ошибки — ослабила борьбу с кулачеством, не организовала повседневной работы с бедняками и середняками, пустила на самотёк весенний сев, не поставив его в связь с борьбой за укрепление колхоза. Биболет раз'ясняет это коммунистам, напоминает об их партийном долге. Парторганизация аула состояла из преданных людей. Поэтому коммунисты, осознав ошибки, дружно принялись за их ликвидацию. Вредительство кулаков было разоблачено. Колхоз начал быстро восстанавливаться, укрепляться организационно и хозяйственно. Крестьяне аула, пройдя трудной **дорогой к счастью,** завоевали культурную и зажиточную жизнь.

Важна и вторая сюжетная линия романа — путь Нафисет Устаноковой — внучки бедняка Карбеча, которую любит Биболет. Наделённая пытливым умом, Нафисет страстно хочет иной, более разумной, культурной и счастливой жизни. Дружба с русской учительницей помогает девушке выучиться грамоте, а затем поступить и в высшее учебное заведение. Она настойчиво ищет широкой дороги к общественной деятельности и добивается этого. На примере Нафисет показано освобождение женщины в национальных республиках от рабства и неравноправия.

Роман «Дорога к счастью» глубоко партиен. В нем утверждаются жизненная сила и величайшие преимущества социалистического строя, приобщившего миллионы людей к свободному, созидательному, творческому труду.

На художественной манере Т. Керашева сказалось благотворное влияние русской советской литературы, особенно романа М. Шолохова «Поднятая целина». Это влияние органически преломляется в своеобразном стиле адыгейского романиста. Красочен и сочен язык героев, изобилующий народными поговорками, пословицами, меткими сравнениями.

Роман «Дорога к счастью» — новое, большое достижение многонациональной литературы народов нашей Родины.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни—К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем—К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01178.